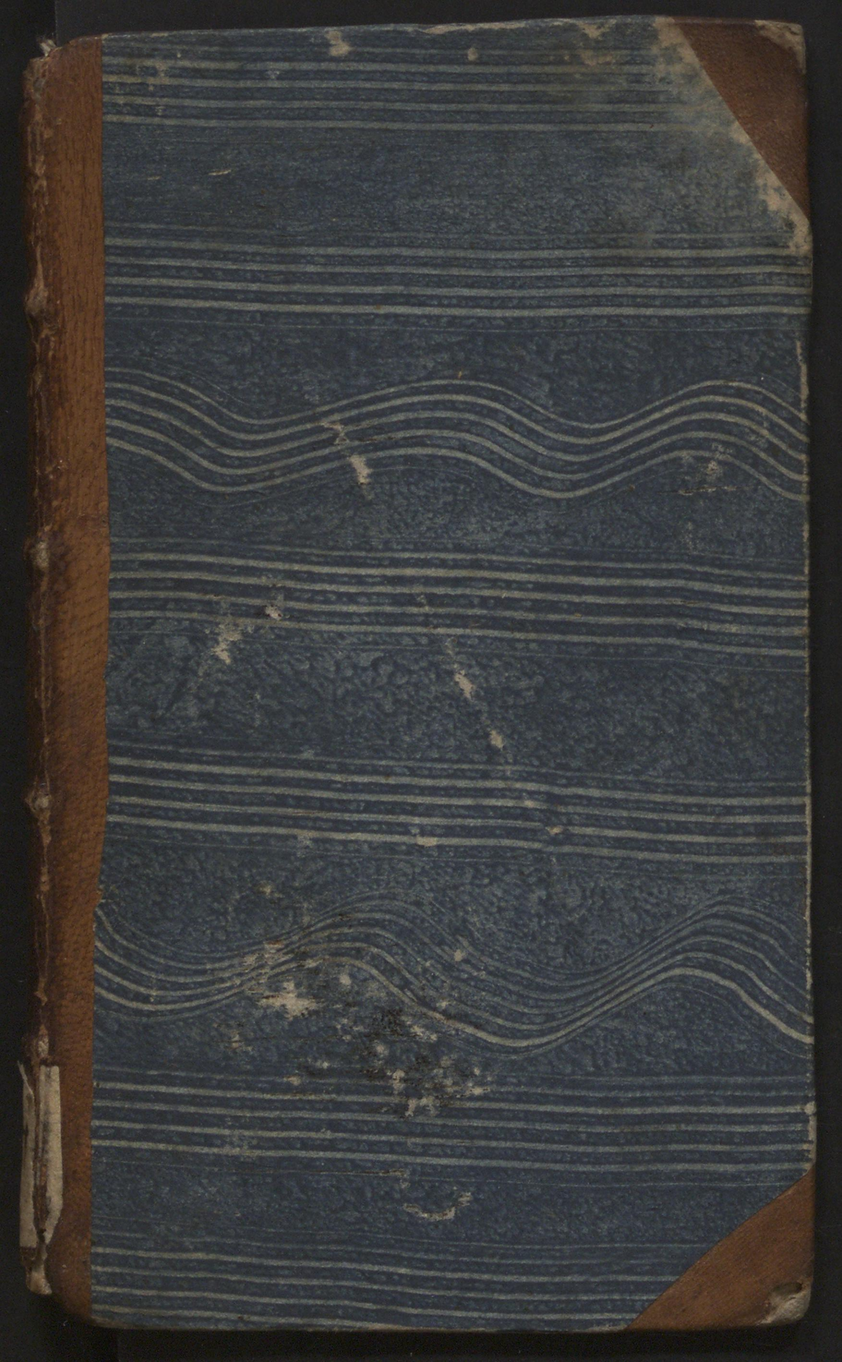


ИЗЪ КНИГЪ ГРАФА СЕРГІЯ ДМИТРІЕВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА
DEUS CONSERVAT OMNIA
ШКАФЪ III ПОЛКА IУ №: 466.

УТѢШИТЕЛЬНЫЯ РАЗСУЖДЕНІЯ

ПРОТИВЪ

НЕМОЩНОЙ

И

БОЛѢЗНЕННОЙ ЖИЗНИ,

СОЧИНЕННЫЯ

Г. ГЕЛЛЕРТОМЪ,

перевелъ

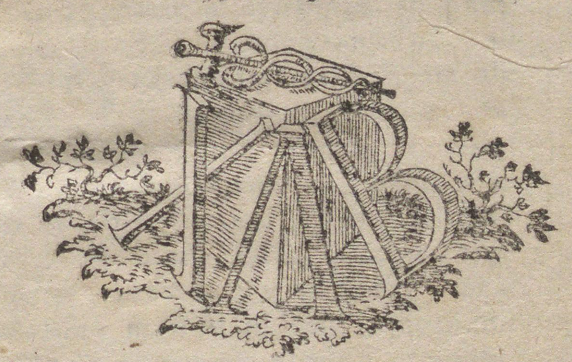
съ

нѣмецкаго на россійской

языкъ

СТУДЕНТЪ

АЛЕКСАНДРЪ ШУМЛЯНСКОЙ.



Печатаны при Императорскомъ
Московскомъ Университетѣ,
1773. года.

О утѣшительныхъ доказательствахъ противъ немощной жизни.

* * *

Прежде вступленія въ рѣчь о утѣшительныхъ доказательствахъ противъ болѣзненной жизни, за нужное почелъ я объявить моимъ читателямъ, что я и самъ чрезъ нѣсколько лѣтъ угнѣтаемъ былъ симъ зломъ. А потому и справедливо, что я не столь основательно, ясно и не столь порядочно буду говорить о сихъ доказательствахъ; но, кажется, дѣйствительнѣе и важнѣе можно говорить

о такой вещи, которую самъ кто опытомъ извѣдалъ. Есть нѣкоторое краснорѣчіе сердца, которое не столь хорошо изъявляется разумомъ, сколько подкрѣпляется внутреннимъ чувствованіемъ. Оно возбуждаетъ у другихъ вниманіе и довѣренность. О сколь великую можетъ имѣть пользу тотъ, кто умѣетъ своихъ читателей приводить въ сіе положеніе духа! Они примутъ истинну вдвое жаднѣе, нежели какъ онъ витіеватою и высокою своею рѣчью привелъ бы ихъ въ восторгъ и удивленіе. Естьли сіе имѣетъ свою силу, то больнымъ, коимъ желателенъ покой, непремѣнно должно охотнѣе слушать того, которому опытъ и основательное свѣденіе въ семъ спомоществуютъ, нежели того, кой лишенъ сего дарованія. Сколь бы я щастливымъ себя почиталъ, естьли бы симъ писаніемъ хотя мало облегчилъ то бремя, подъ коимъ стенаютъ болѣзнующіе мои сообщники. Сего предмета тѣмъ скорѣе

на-

надѣюся я достигнуть, чѣмъ менѣе помышляю о прославленіи сими листочками своего разума и учености, что часто обманываетъ насъ, привлекая стараться о томъ, что только нравно и пріятно, а не о томъ, что истинно и полезно въ нашемъ поученіи. Я самъ желаю себя успокоить, стараяся успокоить другихъ. И сей самой трудъ послужитъ мнѣ новымъ утѣшеніемъ въ болѣзненныхъ моихъ часахъ.

Мы по большей части говоримъ, что тотъ ведетъ немощную жизнь, кто отягчается нѣкоторыми болѣзньми тѣла, которыя никогда его не оставляютъ, и неотступно за нимъ слѣдуютъ, кто чрезъ многіе годы, или чрезъ большее, или чрезъ все время житія своего болѣе страдалъ, нежели здоровьемъ наслаждался. Когда одна болѣзнь въ себѣ есть мучительнѣе, нежели другая; когда здѣсь болѣе, нежели тамъ продолжается; здѣсь чаще постигаетъ, а тамъ скорѣе изчезаетъ; въ семъ членѣ болѣе

свирѣпствуетъ, нежели въ другомъ; здѣсь болѣе силы тѣлесныя, а тамъ купно и силы душевныя изнуряетъ; у одного похищаетъ все почти удовольствіе жизни человѣческой, а другимъ даетъ еще благіе часы. Словомъ сказать: есть-ли въ болѣзняхъ, равно какъ и въ крайнѣйшихъ ихъ обстоятельствахъ сыщется великое неравенство, то кажется, что столько же бы надобно изыскивать утѣшительныхъ доводовъ, сколько найдется слабыхъ людей. Сего учинить хотя нетрудно, только не нужно. Всѣ, кои ведутъ немощную жизнь, при всемъ своемъ неравенствѣ въ семъ единодушно соглашаются, что состояніе свое почитаютъ себѣ зломъ, и отъ онаго желаютъ избавиться. Въ разсужденіи сего для всѣхъ ихъ можно употребить одинакое средство. Все, что оттуда слѣдуетъ, есть то, что въ одномъ больше или меньше, кратчае или продолжительнѣе будетъ дѣйствовать. Утѣшеніе сіе будетъ имѣть болѣе или менѣе

успѣха,

успѣха, по мѣрѣ того, сколь вящшее или меньшее будетъ препятствіе; однако оно во всѣхъ должно имѣть то дѣйствіе, чтобъ ихъ по большой части успокоить; препоны могутъ быть столь сильныя, сколь ихъ желанія, когда оное утѣшеніе инако должно быть средствомъ совершеннымъ.

Находится другое различіе въ болѣзненномъ состояніи человѣковъ, гораздо важнѣйшее и въ утѣшеніяхъ больше соучаствующее. Жестокость болѣзненной жизни имѣетъ различные источники. Причиною сего бываетъ или природа, или особое Божіе провидѣніе. Она происходитъ отъ нашихъ или другихъ вольныхъ поступковъ. Она наконецъ, въ разсужденіи нашего понятія, можетъ имѣть неизвѣстное начало. И сіе-то называется, что мы не въ состояніи разпознать, кому приписать оное зло.

Изъ сего удобно можно заключить, что четыре особы, кои по четыремъ разнымъ причинамъ имѣютъ

ютъ безсильное тѣло, не однимъ и тѣмъ же способомъ должны укрѣплять оное. Какое различіе имѣется между тѣми, кои самихъ себя принуждены почитать нарушителями своего здравія? Мы, то по слабости разума, то по безразсудному легкомыслію, или чрезъ неумѣренное прилѣжаніе въ упражненіяхъ, или чрезъ внезапное возмущеніе какого либо пристрастія, иногда скоропреходящими пороками, а временемъ чрезъ продолжающееся неустройство и умножающееся безуміе, причиняемъ нашему тѣлу безсиліе. Сколь много таковыхъ, кои чрезъ вредительное лекарство, за полезное отъ нихъ признаваемое, чрезъ безразсудное пьянство, чрезъ скоропостижный гнѣвъ и неистовую мстительность погубили свое здравіе! Не всегда ли одного изъ сихъ удобнѣе, или труднѣе возможно утѣшить, нежели другаго.

И такъ, кто хочетъ въ немощной своей жизни съ пользою утѣшить себя, тотъ долженъ при-

лѣжно разсмотрѣть, чему бы можно приписать сіе зло. Человѣкъ, который разными заблужденіями сталъ самъ себѣ мучителемъ, въ коемъ пороки оставили смертельный ядъ съ своими соками, и который по наущенію злобнаго сѐрдца бѣдность свою возлагаетъ на судьбу Божію, чрезъ таковое воображеніе никогда не будетъ спокоенъ. Въ немъ беспрерывно будетъ дѣйствовать тайное нѣкое прекословіе, которое отниметъ всю силу утѣшенія, состоящаго въ томъ, что Богъ для Святыхъ и Праведныхъ причинъ наложилъ на него бремя. Онъ въ сей часъ будетъ увѣренъ о своемъ великодушіи, а въ скоромъ времени, когда совѣсть его простретъ къ нему свой гласъ, возчувствуетъ смущеніе духа, которое не скорѣе отъ него отпадетъ, какъ когда потщится оное прогнать размышленіемъ о Божіемъ провидѣніи. Балсамовой пластиръ, чѣмъ болѣе дѣйствуетъ въ очищенной ранѣ, тѣмъ менѣе оной пользуетъ

тамъ, гдѣ неистреблена гнилость суровыми средствами. Кто, по природному унынію и робости, болѣзни своего тѣла, почитаетъ за самопріисканныя наказанія и за воздаяніе своей глупости, гдѣ по самой справедливости оказываются или слѣдствія сложенія слабой его природы, либо Божіи судьбы; таковой не болѣе преодолѣетъ печаль своея души, какъ и тотъ, который по причинѣ кипящей крóви пришелъ во снѣ въ ужасное мечтаніе, думая притомъ, что его тревожатъ злые дýхи.

При семъ я долженъ признаться, что желаніе изыскать источники слабой своей жизни, не такъ легко есть, какъ кажется. Часто въ томъ препятствуетъ намъ невозможность, часто самолюбіе; когда возвращаемся къ началу немощныхъ нашихъ дней. Равномѣрно и неизвѣстность, что мы постигнуть не можемъ наши болѣзни, суть ли плоды нашего безумія и злобы, или дѣйствія естественнаго рожде-

рожденія, или спасительные отъ Бога удары, или причины другихъ людей? Сія то неизвѣстность часто приводитъ насъ въ отчаяніе. Унылаго Филета, который почти самъ себя не терпитъ, сколь скоро можно бы приклонить на то, чтобъ онъ терпѣливо несъ свои мученія, естьли бы можно было доказать, что нѣтъ за нимъ никакой вины̀, а единственно Богъ и природа сіе на него положили! Сколь скоро облегчилась бы скорбь Харина, который благости Божіей и жестокихъ его пораженій, уязвляющихъ тѣло человѣческое, взаимно межъ собой соединить не можетъ; естьли бы можно было его увѣрить, что не столько Божій промыслъ, сколько онъ долженъ почесться причиною болѣзней! Но сего во многихъ, а можетъ быть, и въ множайшихъ случаяхъ рѣшить не удобно: наша немощь, естьли одно изъ причиненныхъ нашею винностію золъ, или есть единственно отъ Бога учрежденное и предопредѣленное бѣдствіе.

ствіе. Хр[illegible]есъ даже до двапцатаго года [illegible]аслаждается всецѣлымъ здравіемъ. Отъ сего времени претерпѣва[illegible] онъ болѣзненные припадки, к[illegible]и съ лѣтами усиливаются, и его, не смотря на то, что онъ со смотрѣливостію ведетъ строгую жизнь, дѣлаютъ живымъ трупомъ. Онъ сознаетъ, что въ младыхъ своихъ лѣтахъ оказалъ многія неумѣренности въ питьѣ и роскошахъ. Однако, продолжаетъ онъ рѣчь свою, и отецъ мой былъ также безсильный. Отсюда видно, что я болѣе по крови наслѣдилъ свое нещастіе, нежели навлекъ на себя оное своими глупостьми. Другъ мой Порцій десятью лѣтами старѣе меня будучи, и чрезъ двапцать лѣтъ вдавшись въ пьянство и роскошь, столь мало чувствуетъ вреда въ силахъ своихъ, что онъ нынѣ находится еще въ лучшемъ здоровьѣ. Такъ развѣ я одинъ нѣкоторыми поползновеніями потерялъ бы свое здоровье! Это можетъ статься, но почему мнѣ можно о томъ знать?

Оно

Оно вѣроятно, но развѣ не вѣроятно также и противное сему? Развѣ не могла погрѣшить въ моемъ тѣлѣ природа? Клеонъ отъ юности былъ слабъ; а съ лѣтами возрастаетъ зло. Онъ жилъ порядочно; но при всемъ томъ воспоминаетъ онъ разныя свои глупости и слабости. Да и кто столь чистъ сыщется, чтобъ совѣсть не упрекала ему ни въ какихъ явныхъ предкновеніяхъ? Клеонъ не спрашиваетъ о началѣ своего бѣдствія, а только желаетъ знать, не умножилъ ли его симъ или другимъ поступкомъ, или и понынѣ умножаетъ. Онъ съ одной стороны усматриваетъ тысячу причинъ, которыя безъ нашея вины увеличиваютъ застарѣлую нашу болѣзнь; а съ другой стороны видитъ и собственныя свои глупости, кои не меньше къ сему способствуютъ.

Хотя бы и возможно было постигнуть истинныя причины, однако наше самолюбіе представляетъ нащему разуму тысячу обмановъ,

 сквозь

сквозь которые онъ проникнуть не можетъ. Никто не желаетъ самоизвольно принять на себя всю вину своего злощастія. Естьли онъ по правдѣ судитъ, то хочетъ взять на себя токмо нѣкоторую часть винности. Другому сіе несноснымъ покажется. Столь охотно всѣ, какъ и мы, желаютъ быть щастливыми, равномѣрно и мы, столь же ревностно желаемъ, когда страждемъ, страдать неповинно. Сіе желаніе творитъ насъ довольно хитрыми, отражать отъ себя свои погрѣшности многоразличными образы, и равно ослѣпляетъ насъ, дабы не видѣли той причины, которой видѣть не желаемъ. Словомъ: мы при таковомъ изслѣдованіи или останемся въ неизвѣстности, и сіе то ужѐ есть самая бѣдность; или повинимся въ преступленіи, и неизбѣжное сіе зло почитаемъ таковымъ, которое сами себѣ воспричинствовали: то сіе безъ нужды умножаетъ нашу печаль. Или жалуемся на Бога и природу въ томъ, за что себя обви-

обвинить было должно, то сими жалобами укрѣпляемъ наше мученіе. Или хотя и опамятуемся Божіими судьбами; но поелику сами своего злополучія виновники, то и не ощущаемъ въ себѣ никогда истиннаго спокойствія. Чѣмъ болѣе въ семъ или въ томъ находимъ справедливости, тѣмъ съ вящшимъ раченіемъ должны мы изслѣдовать причину поврежденнаго нашего здравія. Чѣмъ труднѣе сіе сдѣлать, слѣдовательно тѣмъ осторожнѣе при семъ испытаніи поступать намъ надобно. Наконецъ чѣмъ менѣе достигаемъ къ совершенному о семъ познанію, тѣмъ болѣе получаемъ пользы тогда, когда знаемъ, что всѣ свои старанія употребляли къ пріобрѣтенію онаго. Въ семъ случаѣ неизвѣстность можетъ быть для насъ щастіемъ. Можетъ статься, что мы одни причиною своего немощнаго тѣла. Естьли бы мы сіе такъ точно, какъ есть въ самомъ дѣлѣ, усматривали; то, по естественному свойству разума, никог-

да бы не могли утѣшиться. Безъ сумнѣнія промыслъ вышняго, по безпредѣльной своей благости, многія причины нашего нещастія закрылъ завѣсою: ибо многіе не возмогли бы снести оныхъ вида. Хотя больные люди не съ совершенною точностію будутъ открывать причины своихъ болѣзней, однако сіе не можетъ ихъ удержать, чтобъ хотя мало о семъ изъясниться. Гдѣ нельзя имѣть подлиннаго свѣденія, тамъ и вѣроятность столь сильна бываетъ, сколько самая справедливость. Дамонъ, проживъ въ развратности десять или и болѣе лѣтъ, у природы своей еще въ самомъ ея цвѣту все то насильно исторгнулъ, чего она въ своей зрѣлости исполнить будетъ не въ состояніи. Онъ не понимаетъ, кому бы приписать исчерпнутыя свои силы, изнуренные жизненные духи, и прерывающіяся жилы въ членахъ тѣла. Что жъ препятствуетъ, что онъ не поставляетъ въ томъ причиною себя, и свои содѣ-

ланныя

данныя беззаконія? Не сносная болѣзнь, коею онъ страдаетъ съ осьмаго года, паденіе съ дерева, приключившееся въ десятомъ году его возраста. Кто знаетъ, говоритъ онъ: какой зловредной ядъ оставила во мнѣ долговременная болѣзнь, которой впервые теперь начинаетъ дѣйствовать! кто знаетъ, колико нарушило нѣжный составъ моихъ жилъ паденіе съ высоты, что тѣло мое гибнетъ наичувствительнѣйшимъ образомъ. Дамонъ не имѣетъ причины пребывать болѣе въ неизвѣстности. Его болѣзнь, его паденіе въ младолѣтствѣ суть отдаленныя причины, и безъ сего можно чрезъ одну неумѣренность подвергнуть жизнь свою чрезмѣрнымъ болѣзнямъ. Почто же онъ не вѣритъ, что онъ одинъ самаго себя губитель? Или изъ чего бы могъ онъ заключить, что тѣло его не продолжалось бы болѣе, хотя онъ и не изнурялъ его самъ своими невоздержностьми? Положимъ, что съ умноженіемъ его лѣтъ, возра-

стала

стала равно и его слабость; хотя бы онъ жилъ и по разуму, однако это будетъ одна возможность, которая, когда онъ будетъ разуменъ, не можетъ ему возбранить, чтобъ онъ согласился на сію имовѣрность. И хотя бы сіе явственно было предъ очами Божіими, что паденіе его съ дерева причинило ему безсиліе; однако никогда не можетъ онъ быть въ своемъ сердцѣ спокоенъ, естьли не вѣритъ, что онъ лишился силъ по причинѣ собственныхъ своихъ заблужденій.

И такъ мы родъ слабыхъ людей можемъ раздѣлить на двѣ главныя части. Въ одной поставляются тѣ, кои подлинно, или по крайней мѣрѣ вѣроятно признаютъ, что они сами виною своихъ страданій, или нѣтъ. Къ другой части принадлежатъ тѣ, кои о семъ нетокмо истинно, но и съ довольнымъ вѣроятіемъ понимать не могутъ. Симъ образомъ оба рода раздѣляются въ разсужденіи своего утѣшенія, и оба наконецъ взаимно

соеди-

соединяются. Мы увѣрены, что чрезъ сіи напоминанія открывается путь ко множеству утѣшеній. Разсуждая о всѣхъ больныхъ по виду, можно сказать, что для всѣхъ одно обрѣтается утѣшительное доказательство. И сіе есть справедливо. Но можно также сказать, что два рода утѣшительныхъ средствъ имѣютъ столько способовъ, сколько есть людей. И сіе не несправедливо.

Но что значитъ утѣшать? и что есть истинное утѣшеніе? Сей вопросъ многимъ покажется непотребнымъ. Обыкновенно говорятъ, что весьма ясно понимать можно такія слова̀, которыя повседневно во устахъ убращаются. Однако часто въ знаменованіи своемъ ничто не бываетъ столь неизвѣстно, какъ тѣ слова̀, которыя у всѣхъ въ употребленіи. Сколь несогласныя услышали бы мы описанія, естьли бы десять человѣкъ начали говорить, что то есть утѣшать? и что называется утѣшеніе? Безъ сумнѣнія

каждому извѣстно, что никто изъ тѣхъ, кои желаютъ кого либо утѣшить, не хочетъ смягчать болѣзней тѣла, но только духа, кои отъ оныхъ происходятъ. Естьли кто скажетъ, что утѣшать, есть не что иное, какъ уврачевать или смягчить болѣзни душевныя, проистекающія отъ страданія тѣлеснаго въ больномъ человѣкѣ, то можно его спросить: какимъ образомъ уменьшится или облегчится сія, не умаливъ или не истребивъ прежде оной болѣзни? Однако утѣшеніе, естьли имѣетъ какое либо знаменованіе, должно означать сіе самое; и мы не находимъ болѣе никакого къ тому средства, какъ представленіе и силу подлинныхъ истинъ. Естьли бы безпокойство души состояло въ извѣстныхъ мысленныхъ представленіяхъ, то легко бы можно понять, сколь одно воображеніе умаляло бы другое; но сіе безпокойствіе сопряжено съ нѣкоторымъ чувствованіемъ. И какъ, можетъ статься, чтобъ они удручаемы

чаемы были однимЪ только умЪ воображенiемЪ. ОргонЪ, на примѣрЪ: чрезЪ долгое время мучился жестокою болѣзнiю. Душа его сострадаетЪ; понеже страждетЪ тѣло его. Другой не вЪ состоянiи будучи отвратить тѣлесной его болѣзни, старяется смягчить смущенiе его души. ОнЪ хочетЪ его утѣшить по крайней мѣрѣ представленiемЪ истинны. ОнЪ уговариваетЪ его гласомЪ СтоиковЪ, утверждая, что болѣзни тѣлесныя не составляютЪ никакого зла, и что обладанiе истиннаго блага состоитЪ вЪ одной добродѣтели. Кто оной достигнетЪ, тотЪ будетЪ чуждЪ отЪ всѣхЪ золЪ. Я могу утвердить, что ОргонЪ прiемлетЪ сiе предложенiе. Но что возпослѣдуетЪ? РазсудокЪ его внушаетЪ ему, что онЪ не нещастливЪ, а чувствованiя его то самое доказываютЪ. ОнЪ хочетЪ свѣтомЪ истинны прогнать мрачныя облака своего духа, а за сими паки раждаются вЪ немЪ новыя чувствованiя. ВѣритЪ сЪ охотою тому,

что

что онѣ не бѣденѣ, и опять убѣждается почитать то правдивымѣ. Какая де мнѣ отѣ того прибыль, что говорятѣ, болѣзнь моя не есть зло? развѣ чувства мои потеряли свою силу. Когда же одно представленіе вѣ умѣ никакой болѣзни, которую я дѣйствительно ощущаю, истребить или облегчить не можетѣ, то и не остается мнѣ болѣе средства кѣ отрадѣ, кромѣ, чтобѣ чувствованія уменьшать и преодолѣвать чувствованіями. Сіе значитѣ то, что когда я не могу вѣ умѣ моемѣ вообразить тѣхѣ истиннѣ, кои вѣ душѣ моей производятѣ пріятное чувствованіе: то и никогда не возмогу утишить настоящей ея болѣзни. Естьли я вѣ семѣ не ошибаюсь, то сіе есть истинный образѣ утѣшенія. Опытѣ можетѣ быть свидѣтелемѣ. Филемонѣ потерялѣ тысячу талеровѣ. Онѣ сіи деньги почитаетѣ за необходимонужную часть своего удовольствія. Пускай ежечастно внушаютѣ ему о ничтожествѣ чувственныхѣ

ныхъ добръ. Пусть доказываютъ ему яснѣе солнца, что они не дѣлаютъ человѣка щастливымъ. Успокоится ли онъ тѣмъ? Онъ съ сими деньгами теряетъ много своего удовольствія и выгоды. Сія трата противоборствуетъ его желанію быть щастливымъ, и причинствуетъ ему непріятныя чувствованія, кои не отъ однихъ воображеній, но отъ дѣйствительнаго урона проистекаютъ. Какимъ же образомъ разсужденіе о суетности богатствъ можетъ наградить недостатокъ удовольствія и выгоды, въ коихъ Филемонъ ищетъ своего благополучія? Напротивъ того, естьли кто вселитъ въ него надежду, что онъ вмѣсто утраченныхъ тысячи талеровъ, вдвое или по малой мѣрѣ столько же пріобрѣсть возможетъ, то вдругъ ощутитъ въ себѣ удовольствіе. А сіе почему? Чувствованія встрѣтились съ чувствованіями. Представленіе, что онъ получитъ деньги, не было въ одномъ разумѣ; оно прошло въ сердце.

це. Воображенie всѣ прибытки такъ живо ему представило, что онъ принужденъ вкушать увеселенie надежды. Симъ образомъ дѣйствительное удовольствie превозмогло дѣйствительное неудовольствie. Больной, коему природа не благоволила пользоваться здравieмъ, не умѣетъ сего дня болѣе заглушать внутреннюю печаль своего духа. Другъ его хочетъ ободрить утѣшительнымъ доводомъ неминуемой нужды. Вы, вѣщаетъ онъ, ни мало себѣ не пособите своимъ негодованieмъ. Вы чрезъ то умножаете только болѣзни тѣла. Прибѣгните къ терпѣнiю. Нѣчемъ перемѣнить. Мiръ сей есть всесовершенный. Богъ единожды учредилъ его тако, и что онъ творитъ, благо есть, и перемѣниться не можетъ. Свѣту должно было быть тѣмъ, что и нынѣ есть, ему не возможно было быть безъ немощныхъ людей. Какое жъ успокоенie можетъ получить бѣдной страдалецъ отъ того, что зло его есть

из-

неизбѣжная бѣдность? Развѣ тотъ менѣе страждетъ, кто знаетъ, что ему страдать надобно? Напротивъ того, буде кто увѣритъ его, что Богъ въ скоромъ времени даруетъ ему постоянное здравіе, то онъ и самыя жесточайшія болѣзни станетъ сносить съ нѣкоторою духа радостію. Предчувствіе надежды ободряетъ его духъ, и болѣзнь тѣла не можетъ занять всего, такъ сказать, пространства души: ибо одна сторона оныя преисполненна увеселеніемъ живой надежды. Представь себѣ для увѣренія тысячу примѣровъ, то явственно можно будетъ усмотрѣть, что тотъ наиблагоуспѣшнѣе и дѣйствительнѣе утѣшаетъ, кто можетъ въ человѣкѣ возбудить наиободрительнѣйшую и сильнѣйшую надежду. Подлинно потому, что надѣяніе всегда сопряжено съ настоящимъ удовольствіемъ. И такъ вообще столько сыщется утѣшеній, коликократно можно возжечь живую надежду въ сердцѣ нещастнаго, что ему возможно

можно еще быть благополучнымъ. Естьли сїе имѣетъ свою справедливость, тото-само по себѣ будетъ вѣстимо, что утѣшительныя доказательства тѣ найлучшїя, которыя наибольшую и наисильнѣйшую вливаютъ въ насъ надежду быть щастливыми. Сїе прїемлется двоякимъ образомъ: надежда должна быть живая, и основаваться на непоколебимой истиннѣ; а инако не въ состоянїи она произвесть никакого ощущенїя удовольствїя. Щастїе, кое она мнѣ обѣщаетъ, или должно быть таково, каковаго я желаю и не имѣю, или должно быть гораздо большее. Всѣ утѣшенїя не соотвѣтствующїя сему предмету, не заслуживаютъ имени истинныхъ утѣшенїй. Для того теперь легко доказать, что одинъ законъ можетъ подáть намъ наилучшїя утѣтительныя доказательства. Вся сила разума, и вся Философїя не можетъ достигнуть того, что есть наибольшее и наивысочайшее, чѣмъ ободряетъ насъ закокъ.

Когда

Когда я сіе такЪ утверждаю, то вижу востающихЪ противу меня разнаго рода соперниковЪ. Одни, коимЪ все то противно и ненавистно, что происходитЪ отЪ закона, будутЪ почитать мое предложеніе непра́вильнымЪ, а меня набожнымЪ болтуномЪ. Другіе, кои не токмо ненавидятЪ законЪ, но и разума, вЪ разсужденіи его силы, не любятЪ; и поелику онЪ служитЪ кЪ умноженію нашего киченія, станутЪ ругать меня, что я законЪ возвышаю на счетЪ разума. Иные, кои отЪ добраго се́рдца и отЪ внутренней скромности, отЪ воспитанія паче, нежели отЪ увѢренія происходящей, оставляютЪ благочестіе при его высочествѢ: скажутЪ мнѢ, что они не опровергаютЪ его силы, способствующей кЪ нашему утѢшенію, но что они столько нещастны, что ея не могутЪ чувствовать.

Я всѢмЪ троимЪ вЪ отвѢтЪ скажу то, чего по справедливости заслуживаютЪ ихЪ возраженія. ТотЪ, кто или по скудости внимания,

манія, или по причинѣ желанія, все себѣ позволитъ, закона не признаетъ за нѣчто Божественное, никакъ не можетъ быть доволенъ симъ мнѣніемъ, что истинны онаго наиспособнѣйшія суть къ ободренію немощныхъ людей. Онъ смѣется надъ нашимъ разсудкомъ, и называетъ насъ слѣпцами, когда приведенъ будетъ къ доказательствамъ истиннѣ закона. Я не ласкаю себя тѣмъ, что преодолѣю сихъ столь сильныхъ умовъ, а только прошу ихъ объявить мнѣ, въ чемъ бы несходственно было съ разумомъ утѣшать себя закономъ.

Менторъ можетъ пересказать о своемъ бѣдствіи, и утѣшить себя по правиламъ закона. А вы примѣчайте и разсуждайте, противъ какой заповѣди разума онъ погрѣшаетъ?

Я есмь, началъ говорить Менторъ, отъ десятаго года одно изъ бѣднѣйшихъ созданій. Когда взираю на свое тѣло, и на настоящій сей свѣтъ, кажется, что моя

жизнь

жизнь не что иное есть, какъ непрестанная болѣзнь, которая иногда нѣкоторыми веселостьми для того только прерывается, дабы я тѣмъ съ вящшимъ мученіемъ оную чувствовалъ. Сего часа я здоровъ и нахожу новую надежду къ моему выздоровленью. Едва принялъ я нѣсколько пищи и питія, едва могъ начерпать полонъ ротъ свѣжаго воздуха, едва успѣлъ съ мѣста тронуться, то ужѐ и чувствую ужаснѣйшій трепетъ. Сражаюся съ духомъ, и всякое дыханіе, которое я веду въ превеликомъ стѣсненіи, послѣдующія повсяминутно дѣлаетъ тягчайшими. Боюсь умирать, а умираю такимъ образомъ чрезъ цѣлые половины дней, и что жалостнѣе, чрезъ цѣлыя ночи. Всѣ помогательныя средства не къ чему иному служатъ, какъ только питать мое зло, хотя я по причинѣ моей задышки неспособенъ употребить оныя. Мое зло паки оставляетъ меня на нѣсколько часовъ или на нѣсколько дней. Од-

нако я всегда чувствую въ себѣ присутствіе онаго. Унылие моего духа, тяжесть умерщленныхъ моихъ членовъ, указываютъ мои удары издалеча. Я хочу притти въ себя, и собраться съ своими силами. Но, о Боже! къ чему годятся житейскія увеселенія? Приносятъ мнѣ здоровое кушанье, но я содрогаюсь притомъ, думая, не приготовленной ли то ядъ. Боюсь, чтобъ послѣ насыщенія онаго, не воспослѣдовали новыя пораженія. Вообраэженіе увеличиваетъ мой страхъ, и опытъ подкрѣпляетъ мое мечтаніе. Я хочу разгнать мракъ моихъ мыслей. Повелѣваю призвать двухъ вѣрныхъ друзей. Искренность ихъ, кажется, увеселяетъ меня, но въ томъ самомъ мгновеніи опечаливаетъ меня оная. Невинная шутка, предлагаемая отъ другаго, мнѣ не кажется, не для того, что тотъ, кто говоритъ, неостроуменъ и незабавной человѣкъ, но потому, что я ужѐ не въ состояніи сказать таковую же шутку,

ку, и что мой духъ полнъ роптанія столько не можетъ терпѣть силы острой выдумки, сколько мой желудокъ корму суровой пищи. Словомъ: я желаю, дабы мои друзья меня оставили. Куда ни посмотрю, вездѣ вижу новой случай къ огорченію, или не могу наслаждаться наилучшими сея жизни благими, или хотя ими и пользуюсь, только съ робкими и боязливыми вообраafженіями, или за малую и скоропреходящую забаву плачу̀ по большой части раскаяніемъ и болѣзньми тѣла чрезъ долгое время.

Ужѐ трогаетъ ли меня честь? Плѣняетъ ли меня богатство? Прельщаетъ ли любовь? Другъ, супруга, многочисленное содружество, хорошо сочиненная книга, шутка, игра, изрядная музыка, прекрасная страна, искусная живопись, богатой пиръ, сладчайшіе напитки, уединеніе, горестный рокъ бѣдныхъ, всѣ для меня есть въ тягость, и или вовсе никакихъ, или скорбію раствореннныя подаетъ пріятности. Сла-

бость моего здравія оставляетъ у меня все сіе безъ употребленія. Чѣмъ болѣе оная продолжается, тѣмъ слѣпѣе почитаю за добро самую подлость, которая тѣмъ паче должна меня изобличить въ моемъ нещастіи. Какую жъ оставилъ я надежду моего выздоровленія чрезъ толь много лѣтъ? Что можетъ оживотворить умерщвленное мое тѣло? Лекарь отправляетъ меня къ терпѣнію, и, стараясь о моемъ благосостояніи, отнимаетъ и послѣднюю мою утѣху, запрещая мыслить, и углублятся въ разсужденія. Не наинещастнѣйшій ли я человѣкъ? Обѣщаютъ мнѣ цѣлой свѣтъ. Не бѣднѣе ли я буду, чѣмъ болѣе буду имѣть того, чего употреблять не льзя? и почти лишаюся увеселенія жизни? Никакъ, я претерпѣваю купно несносныя болѣзни и не обрѣтаю никакой помощи. Чѣмъ же мнѣ ободриться? тѣмъ ли, чтобъ тѣлеснаго зла не признавать за истинное зло? Какое мечтаніе! Развѣ жъ тѣмъ воображеніемъ,

ніемъ, что моя и цѣлаго свѣта судьбина есть нѣчто необходимо нужное? Почемужъ бы мнѣ должно быть нещастнымъ, и для чего другіе пребываютъ въ благополучіи? развѣ мнѣ тѣмъ себя утѣшать, что есть еще и отъ меня беднѣйшія созданія. Пагубное утѣшеніе! Развѣ мое желаніе о возстановленіи здравія престаетъ для того токмо, что иные болѣе страждутъ, нежели я? Не паче ли сіе послужитъ къ новому страху? Собственная моя болѣзнь не сдѣлается ли отъ сего жесточайшею, влеча̀ за собою опаснѣйшія болѣзни? Терпѣніемъ, вѣщаютъ мнѣ, терпѣніемъ и постоянствомъ облегчается ея мученіе. Какъ же мнѣ достигнуть сего терпѣнія, противу котораго всѐ внутрь и внѣ меня ополчается. Отъ моей ли то зависитъ власти? Къ чему мнѣ годится такое средство, коимъ мнѣ пользоваться я, и коего получить невозможно? Благодушествуй! пускай ропщетъ, кто хочетъ. Судьба наибольшее налагаетъ

гаетъ бремя на того, кто можетъ лучше, нежели другой, сносить оное. Помни о твоемъ величествѣ, и утѣшайся тѣмъ, что ты болѣе, нежели другой кто. Какая то честь, которой сердце мое совсѣмъ не желаетъ.

Должно ли для того мнѣ увеличивать мое страданіе, что другіе онаго терпѣть не могутъ? Я спрашиваю о источникѣ моего злополучія, и показываютъ мнѣ неумалимый и неминуемый жребій. О сколь ужасное то мгновеніе, которое можетъ совершенно низринуть насъ въ отчаяніе! Я стараюсь о облегченіи тоски, а мнѣ представляютъ такихъ людей, кои еще бѣднѣе меня. Какое безчеловѣчное утѣшеніе! Я хотѣлъ знать, чѣмъ мнѣ можно пода́ть вспоможеніе, а меня увѣряютъ, что ничѣмъ пособить не льзя. Говорятъ мнѣ о терпѣніи, какъ о единственномъ цѣлительномъ средствѣ. Ищу его, но не обрѣтаю, Какая бѣдная помощь! Не равно жъ ли бы я былъ нещастливъ, хотя бы оной и вовсе не видѣлъ?

видѣлъ? Утоляется ли моя жажда тѣмъ, когда другіе говорятъ, что въ томъ то источникѣ находится прохладной ключь, кой однако для меня заключенъ? Я хочу успокоиться. Сказуютъ мнѣ, что разумный и добродѣтельный человѣкъ благополученъ есть при всемъ томъ, чтобы ему ни приключилось. Твое тѣло не въ твоей волѣ. Здравіе есть благо внѣ тебя. Истинное благо состоитъ въ твоей душѣ: оно немощною жизнію не можетъ быть у тебя похищено и въ тысачу лѣтъ. Однако сіе тѣло столь крѣпкимъ союзомъ сопряжено съ душею, что она все то чувствуетъ, что ни произойдетъ въ тѣлѣ, и онаго союза разрушить мнѣ никакъ неможно. Ибо не полезнѣе ли и для моей души, естьли и тѣло здорово. Нежелательно сіе и для души: Да и какъ мнѣ затушить то похотѣніе, которое свойственно моей природѣ? Однако ты не возвелъ бы такъ высоко совершенства твоего духа: естьли бы не былъ

въ таковыхъ обстоятельствахъ, не достигнулъ бы ты никогда до сего благороднаго постоянства и Божественной высокости души, естьли бы не случилось нѣчто такое, которое къ онымъ тебя побудило. Отбросьте оное, то и высочество духа останется у меня безъ пользы. Захочетъ ли кто сдѣлать другаго больнымъ на то только, чтобъ научить его, какое лекарство въ семъ случаѣ для него потребно? Я хочу быть спокоенъ; но мнѣ показываютъ моего врага. Твое воображеніе, говорятъ, увеличиваетъ твое нещастіе. Оно увѣряетъ тебя о твоемъ злѣ, когда еще его нѣтъ, и терзаетъ тебя страхомъ. Оно грозитъ тебѣ злою твоею участью, предваряя дѣйствительное оныя бытіе, и все твое спокойствіе у тебя похищаетъ Что мнѣ пользуетъ сей совѣтъ? Большая часть моего зла должна состоять въ моемъ воображеніи: какъ мнѣ можно въ томъ повѣрить, когда я зло мое и въ самомъ дѣлѣ толико чувствую,

какимъ себѣ оное представляю. Но быть такъ, я вѣрю, что мое мнѣніе умножаетъ мои болѣзни. Желаю оныя истребить, только мочи нѣтъ. Оно возрастаетъ съ моимъ зломъ, и есть плодъ моей болѣзни. И такъ буду ли я щастливѣе тѣмъ, что знаю своего непріятеля, будучи не въ силахъ оному сопротивляться?

Менторъ описалъ намъ свою бѣдность. Она велика да и въ томъ мы спорить не можемъ, что не много есть таковыхъ страдальцовъ. Онъ имѣетъ право жаловаться, да и кто можетъ быть человѣкомъ, и вмѣстѣ спокойнымъ, когда лишился наибольшаго и наилюбезнѣйшаго блага, а слѣдственно наибольшее зло имѣетъ повседневнымъ своимъ спутникомъ. Ищетъ онъ утѣшенія въ разумѣ и у премудрѣйшихъ людей; но всегда находитъ непреодолимыя препоны въ своихъ предпріятіяхъ. Онъ чрезъ долгое время слушаетъ утѣшительнаго ихъ представленія; но не об-

рѣтаетъ никакого облегченія; отвергаетъ увѣщанія разума и спрашиваетъ объ откровеніи: дѣлается ученикомъ закона, чтобъ не быть презрителемъ разума. Онъ часто представляетъ себѣ разныя истинны, и находитъ въ нихъ нѣкоторое успокоеніе. Онъ чрезъ нѣсколько времени продолжаетъ сіе упражненіе, и самъ съ собою размышляетъ въ благоденствіи, что его защититъ въ нещастномъ состояніи? Онъ часъ отъ часу входитъ въ живѣйшее испытаніе, и наконецъ вкушаетъ нѣкоего покоя, который, какъ онъ говоритъ, способствуетъ къ услажденію горести его мученій. Признае́тся, что не всегда равно ощущаетъ сію душевную тишину, но и она отъ него не совсѣмъ уходитъ, а когда удалится она, то разсужденіемъ опять ея возставить можетъ. Онъ большее удовольствіе показываетъ наружнымъ видомъ, нежели другимъ какимъ, и говоритъ, что я за сіе одолженъ закону. Какую жъ я имѣю причину не довѣ-

ряшь

рять ему въ его откровенности. Я спрашиваю его, какія то пра́вила закона, коими онъ себя утѣшалъ. Онъ мнѣ отвѣтствуетъ: я де предложу тебѣ одинъ примѣръ изъявляющій, что мнѣ въ умѣ представлялося тогда, когда я утѣшалъ себя закономъ. Я бы не повѣрилъ, чтобъ онъ истинны всегда содержалъ въ порядкѣ. Нѣтъ, естьли онъ вспомнитъ объ одной части своего сочиненія, то ужѐ знаетъ силу и всего довода.

Я на́чалъ, продолжаетъ онъ далѣе, нѣчто такъ разсуждать: Боже! Ты еси всеблагое и человѣколюбивѣйшее существо, которое о себѣ однъомъ мислить повелѣваешь. Разумъ и откровеніе внушаютъ мнѣ сіе. Тебѣ ничто не можетъ быть угодно купно съ болѣзньми твоихъ твореній. Ты желаешь наипаче ихъ мира и благоденствія: ибо Ты самъ еси любовь, благость и великодушіе. Ничто не претитъ Тебѣ совершить совѣтъ твоей любви. Ты еси всемогущій, свѣтъ сей однимъ

мгнове-

мгновенiемъ силенъ еси ущастливить и уничтожить. При всемъ томъ я претерпѣваю тягчайшiя болѣзни, и животъ мой чрезъ многiе годы не что иное есть, какъ токмо оковы по причинѣ горести и бѣдствiя. Ты зришь мое страданiе и не вспомоществуешь мнѣ. Я испытываю мою утробу, и не обрѣтаю въ себѣ вины, которая бы упрекала меня въ томъ, что я навлекъ оное на себя своими пороками. Господи! Ты вѣси, что я испытываю себя нелицемѣрно. Я приписываю твоимъ судьбамъ, что я столь много стражду. Я крайне въ томъ слѣпъ, чтобъ могъ проницать всѣ премудрые Твои совѣты въ обширномъ ихъ пространствѣ. Однако весьма ясно вижу, что Ты тому только быть допущаешь, что способствуетъ щастiю разумныхъ Твоихъ созданiй. Моя немощная жизнь должна служить или къ моему, или ближнихъ благосостоянiю, или обѣимъ споспѣшествовать. Ты заключилъ мой духъ въ немощной

плоти,

плоти, однако впечатлѣлъ во мнѣ желаніе избавиться отъ болѣзни. Когда я взираю на настоящій міръ, то сіе первое противоборствуетъ моему благополучію. Какъ мнѣ можно быть щастливымъ безъ здравія? Однако сія жизнь, сіе мое тѣло, сей свѣтъ, могутъ ли назваться единственнымъ предметомъ, для котораго я созданъ? Безсмертный мой духъ есть сопричастенъ вѣчному блаженству. Я живу здѣсь на тотъ конецъ, чтобъ чрезъ повиновеніе святой Твоей волѣ сдѣлаться участникомъ вѣчнаго и непресѣкаемаго щастія. На сіе то щастіе долженъ я взирать, желая постигнуть предвѣчные Твои совѣты. Ты и болѣзни мои можешь преложить на такое средство, которое послужитъ къ истинному моему благополучію. Сіе точно знаю. Онѣ, естьли я, кромѣ прочихъ братьевъ, разсуждаю о себѣ самомъ, понадобятся для вѣчнаго моего спасенія. Мы бываемъ щастливы правдою, вѣрою, добродѣтелію и ревностнымъ Тебѣ

па-

повиновенiемЪ. Не помѣшало ли бы мнѣ вЪ добродѣтели безпрерывное наслажденiе полнаго здравiя? Не жилЪ ли бы я совсѣмЪ вЪ другихЪ обстоятельствахЪ, естьли бы не воспрепятствовало вЪ томЪ безсильное мое тѣло? Не былЪ ли бы я по природному моему сложенiю столь преклонный, и столь чувствительный ко внѣшнимЪ вещамЪ, что никогда бы не достигЪ кЪ прямому познанiю истинны, естьли бы Ты не отЪялЪ у меня власти пользоваться богатствомЪ, которое всегда намЪ мѣшаетЪ вЪ понятiи истинны? Не потерялЪ ли бы я опять дѣйствiя справедливости, естьли бы вѣтренность моего духа не обуздывана была тягостiю моего тѣла? МогЪ ли бы я умѣривать страстное любленiе живота, и жадность простирающуюся ко внѣшнимЪ добрамЪ, естьли бы пользовался совершеннымЪ наслажденiемЪ здравiя? Ты вѣдалЪ составЪ моего тѣла и свойство моея души. Ты видѣлЪ, что здравiе, которое инымЪ есть полезное бла-

благо, мнѣ бы препятствовало въ добродѣтели. И такъ Ты благоволилъ отъяти у меня мнимое добро, противоборствующее вѣчному моему блаженству. Какъ же мнѣ роптать на сіе Твое опредѣленіе? Могу ли я вопрошать безъ крайней продерзости и глупости, для чего мнѣ досталось отмѣнное свойство тѣла и души, которыя могли бы то сдѣлать, что я, при обладаніи здравія, удобнѣе отринулъ бы отъ очей добродѣтель? Или почто Ты не сотворилъ меня таковымъ, чтобъ я здѣсь былъ здоровъ, а въ будущей жизни вѣчно щастливъ. Я ли червь, я ли хощу съ тобою въ судъ вступать? Развѣ Ты не тотъ Господь, который то творитъ, что ему заблаго покажется? Развѣ Ты не премудръ и неправъ во всѣхъ путехъ своихъ? Не далъ ли Ты всѣмъ разумнымъ своимъ созданіямъ воли, въ награжденіе того, что каждое изъ нихъ, по причинѣ слабаго своего естества и собственной своей безрасудности, не можетъ не претерпѣвать

болѣз-

болѣзней. Довлѣетъ, когда Ты навсегда поставилъ насъ въ такомъ внѣшнемъ состояніи, которое для благополучія нашея души было наиспособнѣйшее. Ничто не допущаетъ меня о томъ сумнѣваться, и все, что ни помышляю о Тебѣ, и что внушаетъ мнѣ слово Твое, въ томъ меня удостовѣряетъ.

Когда же такъ стражду, что какъ не былъ самъ причиною своей болѣзни, такъ и не растравлялъ ея худыми своими поступками; то она и не есть мнѣ наказаніемъ, но премудрымъ хотя и прискорбнымъ средствомъ къ учиненію меня совершенно щастливымъ. Стану жъ, о Боже! поклонятися толикой Твоей благости. Не имѣю ли я причины быть довольнымъ, когда Ты во всемъ со мною такъ поступаешь, чтобъ я могъ тѣмъ съ вящшею точностію соотвѣтствовать тому предмету, для коего созданъ, дабы душу свою сдѣлалъ безконечно блаженною? О мы безумцы! главное наше неудовольствіе не отъ

того

того ли раждается, что мы нынѣшнюю и будущую жизнь вѣ смыслѣ раздѣляемѣ. Обое есть одно и тоже. И когда желаемѣ узнать, сколь мы щастливы или бѣдны, то взираемѣ только на настоящую краткую, а не на вѣчную нескончаемую жизнь. Симѣ образомѣ не наинеправеднѣйшія ли изрыгнули бы противу Тебя хулы, естьли бы негодовали на тебя за то, что все идетѣ не пожеланію нашего се́рдца? И кто велитѣ намѣ раздѣлять обѣ сіи вещи? Не Ты ли рекѣ, что добродѣтельнымѣ людямѣ, любящимѣ тебя, и ревностно старающимся о исполненіи Твоей воли, вся поспѣшествуютѣ во благое? Чрезѣ сіе не то ли самое разумѣется, какѣ, что Ты имѣ ничего того не желаешь, что не содѣйствуетѣ кѣ вѣчному ихѣ блаженству. Господи! я свято чту Твой святый промыслѣ. Ты поступаешь какѣ Отецѣ; наказываешь насѣ кѣ нашей пользѣ; наказаніе Твое, кажется, исполнено больше печали, нежели радости;

но

но напослѣдокъ оно приноситъ мирный плодъ правды тѣмъ, кои онымъ были угнѣтаемы. Какая трудность провождать жизнь недужную чрезъ двадцать или тритцать лѣтъ, когда я подлинно увѣренъ, что въ вѣчности буду пребывать безъ болѣзни, наслаждаяся чистѣйшимъ веселіемъ? Страданіе мое есть велико, однако сколь оно мало въ сравненіи съ некончаемою славою, которая ждетъ меня по благости Твоей, и которую Ты не по моимъ заслугамъ, но изъ единственнаго благоутробія чрезъ избавителя міра мнѣ даруешь! И такъ сіе извѣстно, что я есмь вѣчно блаженъ? Я чувствую подтвержденіе препровождаемое живымъ увѣреніемъ. Чувствую пріятнѣйшую надежду. Я вкушаю силу предбудущей жизни, и чувствую, что озлобленія тѣлесныя не оскорбляютъ болѣе моея души. Я нещастный, когда взираю на тѣло; буде же разсуждаю о моей душѣ, и о приближеніи вѣчности, то я щастливѣе всего. Господи! ожидаю Твоего

его обѣта. Помню, что есть всемогущее существо, и какже можно мнѣ быть бѣднымъ? Естьли бы онъ не былъ мнѣ помощникъ, то къ чему бы мнѣ годилось здравіе и вся слава міра сего? Симъ то уповаміемъ, кое Ты утверждаешь въ душѣ моей, хочу я облегчить мое страданіе. Воззрѣніе на вѣчность учинитъ для меня легкими и сносными временныя удары при воззрѣніи на ихъ. Чрезъ вѣру далеко простираю свою побѣду. Сколь многотрудныя о моемъ здравіи попеченія, и о сохраненіи живота моего старанія прекращу! Ты всегда со мною еси. Я усматриваю премудрую попечительность, и послѣднюю мою скорбь возлагаю на тебя: ибо Господь печется о насъ. Даждь только мнѣ любовь Твою, и истинный страхъ къ Тебѣ, такъ я и благополученъ.

Покажи мнѣ ругатель закона, какую безразсудность усматриваешь ты въ семъ утѣшеніи. Развѣ то несовмѣстно съ разумомъ, какъ настоя-

стоящее зло препобѣждать ожиданiемъ безконечнаго щастiя? или ты невозможнымъ щитаешь достигнуть къ сей надеждѣ. Буде онъ послѣднее утверждать станетъ, такъ я его спрошу, извѣдалъ ли онъ сiе опытомъ? Никакъ, отвѣтствуетъ онъ: какъ же можно ему сiе опровергать? Естьли мнѣ здоровой человѣкъ похваляетъ крѣпость какого либо вина̀ въ сей или другой болѣзни, то имѣю ли я право о томъ сумнѣваться, не употребляя онаго вина въ такихъ обстоятельствахъ, или вовсе никогда. Я хотѣлъ утѣшить себя, говоритъ онъ, закономъ, но не могъ найти въ немъ никакой по́мощи. Отсюда выходитъ другой вопросъ: въ законѣ ли, или въ немъ виньı искать должно? Я послѣднее прiемлю. Но нѣтъ здѣсь мѣста болѣе о семъ спорить: пускай хулитель думаетъ, какъ хочетъ, о святости закона. Я намѣренъ его изобличить въ его неправости той, что и всякъ томъ заблуждаетъ, кто законъ признаетъ Божественнымъ.

нымъ. Теперь вопрошу его: когда сiе заблужденiе толикую власть беретъ надъ нашимъ сердцемъ, что можетъ и успокоить оное; то не любезнѣе ли будетъ сiе заблужденiе, нежели самой его разумъ? Менторъ успокоился закономъ. Сопротивникъ соглашается на то, что предстaвляемое нами заблужденiе, которое намъ прiятно кажется, къ большему ведетъ насъ спокойствiю, нежели совершенная истинна, которая не столь для насъ любезна. Положимъ же, что законъ не что иное есть, какъ токмо скрытное заблужденiе: однако и въ семъ случаѣ никакого безумiя не вижу въ томъ, кто утѣшаетъ себя онымъ. Онъ не вредитъ себѣ нимало симъ утѣшенiемъ, хотя бы законъ былъ истинный, или несправедливъ. Онъ снискиваетъ въ сей жизни спокойствiе сердца чрезъ законъ, хотя бы онъ былъ и ложной. Онъ обрѣтаетъ оное больше чрезъ сiе заблужденiе, нежели чрезъ истинну хулителя.

Должно жъ ли Ментора почитать за безумнаго? и законъ, хотя бы онъ и подлинно былъ человѣческимъ, вымысломъ, недостоинъ ли отличнаго высокопочитанія за то, что столь изящныя подаетъ намъ выгоды? Хотя бы и жизнь моя пресѣклась, но я ужѐ здѣсь себя успокоилъ. Естьли бы уничтожилось и мое бытіе: только суетная моя надежда мнѣ вредить не можетъ. Равномѣрно какъ и тотъ, который почиваетъ въ пріятнѣйшемъ сновидѣніи, пока не пробудится, не можетъ досадовать, что его удовольствіе была одна мечта. Напослѣдокъ и поноситель не можетъ меня удостовѣрить, что все то невозможно, что мнѣ обѣщаетъ законъ. (Да и какъ это можетъ статься). Симъ образомъ я умнѣе его. Ибо я возможность обращаю въ пользу, которая, естьли сбудется, то принесетъ мнѣ превеликую прибыль. Хотя жъ будетъ и несправедлива, однако великую же мнѣ сдѣлаетъ пользу. Буде

де онъ опровергать станетъ, что мы чрезъ законъ рѣдко достигаемъ къ такому увѣренію къ дѣйствительной надеждѣ и къ таковому увеселенію, какъ мы себѣ воображаемъ: то я его спрошу, какъ можно, отказать мнѣ тотъ опытъ, который дѣйствительно чувствую?

Съ тѣми, кои закону отдаютъ свою честь, но притомъ думаютъ, что и утѣшенія разума способствуютъ къ ободренію человѣка слабого въ его нещастіи: можно поговорить сокращеннѣе. Сіе состоитъ въ двухъ вопросахъ, съ такою ли точностію и ясностію разумъ понимаетъ высокія истинны безъ откровенія, какъ и въ откровеніи? Естьли утвердить первое и послѣднѣе, то уже законъ будетъ нѣчто излишнее. Буде же позволитъ ему его Божественность, то они сего не примутъ, и купно съ нами заключатъ, что разумъ самъ въ себѣ не имѣетъ столь

крѣпкихъ утѣшеній, каковыя подаетъ намъ законъ. Я знаю, что весьма не многіе изъ тѣхъ, кои разуму толикую силу приписываютъ, худо разсуждаютъ о законѣ. Они всегда разумъ заблаго пріемлютъ, и колику онъ отъ юности въ насъ наставляемъ былъ по закону. Дошло дѣло до вопроса: колико можно разсмотрѣть разумъ въ семъ или въ томъ случаѣ? По сему истины Христіанскаго разума безразсуднымъ образомъ различатся отъ того, что мы истиннами закона называемъ. Мы ихъ по большой мѣрѣ заключаемъ въ предѣлахъ откровенныхъ таинствъ. Остальное число истиннъ, которое и въ себѣ находилъ по обширности и увѣренію его причисляемъ къ разуму. Однако не такимъ образомъ должно испытывать силы разума. Мы должны учиться познавать его способность въ тѣхъ, кои не имѣли никакого откровенія. Когда Сократъ, Платонъ, Сенека и другіе славные мудрецы предлагаютъ

гаютъ мнѣ столь высокія и столь истинныя утѣшенія какъ святый Павелъ и Іоаннъ; то сіе съ силою разума имѣемъ свою дѣйствительность. Но кто бы сіе утвердилъ, хотя бы оба писанія по наружности только межъ собой соглашены были. Сколь колеблется разумъ, когда принужденъ будетъ предложить какое либо изреченіе о безсмертіи душѝ! Коликое встрѣчается несогласіе въ описаніи живота послѣ смерти! Всякъ творитъ то по состоянію, которое естественному его духа свойству сродно есть. Самые премудрѣйшіе мужи болѣе желали безсмертія душѝ, нежели оное доказали. Когда жъ свѣденіе о таковыхъ утѣшеніяхъ столь мало было дѣйствительно въ головахъ самыхъ остроумнѣйшихъ мужей, то что подѣйствуетъ разсудокъ въ тѣхъ, кои или очень мало, или совсѣмъ не пользуются своимъ умомъ? Никто въ томъ противорѣчить не станетъ, что законъ обѣщаетъ

намъ большія сокровища, нежели разумъ, что онъ приводитъ насъ наконецъ къ основательнѣйшему увѣренію, нежели свѣтъ разума; естьли же сіе такъ есть, то уже совершенно дознано, что одинъ законъ дарствуетъ намъ истинныя утѣшенія; ибо онъ, какъ выше упомянуто, вперяетъ въ насъ сильнѣйшую и живѣйшую надежду, которую мы, какъ пріятное чувствованіе противуполагаемъ непріятному въ нашемъ страданіи, и симъ образомъ себя утѣшаемъ. Когда я слышу Сенеку повѣствующаго, что никто не долженъ отступать отъ своего стана безъ соизволенія своего командира, что никто не долженъ у самаго себя отнимать живота; и когда на другомъ мѣстѣ отъ него же слышу, что злощастный человѣкъ въ крайности своей имѣетъ то послѣднее ободреніе, что самъ можетъ прекратить свой животъ, то я не могу заключить никакого великаго понятія о его Богословіи и о томъ увѣреніи,

нїи, которое онъ имѣетъ о своихъ истиннахъ. Буде блаженство послѣ смерти есть воздаяніе праведныхъ; то какъ можетъ добродѣтельнымъ быть непокоривый преступникъ противящїйся волѣ своихъ властей? Въ семъ согласуетъ и самъ Сенека. И естьли онъ не заимствуетъ утѣшенія отъ своей добродѣтели, то какою онъ можетъ ободрять себя надеждою? Естьли блаженство не есть награжденіемъ добродѣтели, и, естьли тотъ, кто самъ лишаетъ себя жизни, и въ послѣднихъ часахъ поступаетъ противу добродѣтели, то каковая будетъ отрада въ добродѣтели? Развѣ и порокъ не столько жъ ли для себя имѣетъ надежды? Чрезъ все сіе не хощу у разума похищать его чести. Сіе обратится въ посрамленіе его не потому, что онъ не столь далеко и острозрительно проницаетъ, сколько откровеніе, но поколику онъ опровергаетъ оное. И такъ я не

утверждаю, что древніе мудрецы не могли достигнуть спокойствія се́рдца однимЪ разумомЪ. А только говорю, что человѣкЪ, знающій законЪ, никогда не можетЪ вкушать истиннаго и постояннаго утѣшенія, естьли оное не чрезЪ законЪ получаемЪ. Пускай онЪ утѣшаетЪ себя разумомЪ, какЪ хочетЪ, но едва ли отЪ него получитЪ ту пользу, которую имѣлЪ СократЪ или Сенека. Они не знали никакого инаго свѣта, по сему то и могли быть спокойны. ХристіянинЪ имѣетЪ еще нѣчто другое, и для того долженЪ закрыть одно око, да не видитЪ сего свѣта. ОнЪ долженЪ себя принудить кЪ тому, чтобЪ почитать заложное и излишнее, вспомоществовать зрѣнію своего разума; но при всемЪ томЪ не престаетЪ ему вЪ семЪ препятствовать та возможность прискорбная, что ему и сЪ разумомЪ заблуждать, а только развѣ чрезЪ законЪ истинное спокойствіе удер-

удержать можно. Въ разсужденіи сего я вѣрю, что Христіянинъ отъ одного разума не можетъ имѣть той пользы, которую отъ него получили неимѣвшіе никакого понятія о законѣ.

Третій родъ людей, кои утѣшенія закона всеохотно признаютъ за важнѣйшія и сильнѣйшія, нежели доказательства разума: однако притомъ о себѣ говорятъ, что не чувствуютъ толикаго оныхъ дѣйствія, дабы могли притти къ истинному спокойствію. Мнѣ кажется, что въ семъ случаѣ они болѣе достойны уваженія и наставленія, нежели отверженія. И такъ мы примѣняся къ ихъ обстоятельствамъ, намѣрены тщательнѣе и подробнѣе предложить о существѣ спокойствія пріобрѣтаемаго закономъ, и положимъ ему предѣлы.

Прежде всего что они разумѣютъ подъ именемъ спокойствія,

котораго ожидаютъ? Не думаютъ ли они здѣсь о совершенномъ покоѣ духа, непоколебимой радости, которая никогда не прерывается, никогда не имѣетъ мрачныхъ и свѣтлыхъ часовъ, которое всегда равномѣрно велика, и приближенiемъ новыхъ болѣзней отнюдь не премѣняется. Естьли они сего отъ закона требуютъ, то они желаютъ не инаго чего, какъ чтобъ законъ перерадилъ ихъ въ иную тварь. Утѣшенiе писанiя само по себѣ не уменьшаетъ болѣзной тѣла. Терпѣнiе болѣзней, доколѣ мы будемъ человѣками, всегда будетъ для насъ тягостнымъ. Таковыми не престанемъ мы быть и тогда, когда будемъ истинными Христiанами. И такъ мы при всей дѣйствительности истинъ закона всегда будемъ чувствовать душевную скорбь, которая свое начало и продолженiе беретъ отъ страданiя тѣлеснаго; а то только говоримъ, что сiе смущенiе не возрастетъ въ насъ

столь

столь высоко; потому что всю силу и умноженіе онаго потушаетъ радостное духа чувствованіе, которое возбуждается утѣшительными доказательствами писанія, и которое состоитъ въ дѣйствительномъ увѣреніи о Божеской къ намъ любви и нашего вѣчнаго блаженства. Мы не утверждаемъ, что когда печаль нашего духа ушла одинъ разъ, не возвратится никогда, а только доказываемъ, что мы оное паки пріодолѣемъ своими утѣшительными размышленіями. Мы не говоримъ, что въ насъ совсѣмъ затушено желаніе быть здоровыми: сіе есть естественное побужденіе, которое законъ не искоренить, но утвердить желаетъ. Неоспоримо то, что законъ позволяетъ намъ, посредствомъ лекарствъ пещися о соблюденіи себя. Слѣдовательно онъ признаетъ справедливымъ наше желаніе, чтобъ быть здоровыми, и никогда онаго потушить не желаетъ.

етъ. Мы не говоримъ, что любленіе жизни и всѣхъ міра сего благихъ отнюдь не обезпокоятъ насъ впредь; потому что мы чаемъ безсмертія и вѣчныхъ благъ. Мы не говоримъ, что во дни нашихъ болѣзней совсѣмъ угасимъ въ себѣ боязнь смерти, и въ приближеніи оной трепетать не станемъ. Сіе величество ума безъ сомнія бываетъ удѣломъ только весьма не многихъ людей, кои снабдѣны высокою мѣрою духа. И такъ кто здѣсь разумѣетъ полное спокойствіе, непресѣкаемое веселіе духа, незыблемую тишину нашихъ природныхъ склонностей, стремящихся къ предохраненію живота, здравія и прочихъ временныхъ благъ, тотъ отъ закона больше ожидаетъ, нежели онъ ему обѣщаетъ.

Спокойствіе въ нашихъ болѣзняхъ раждается отъ воображенія истиннъ закона. Чѣмъ вящшее и живѣйшее наше понятіе и свѣденіе,

тѣмъ

тѣмъ паче возрастаетъ наше удовольствіе. Однако представленія нашего ума не всегда одинаковымъ образомъ пребываютъ ясны, вразумительны и совершенны. Онѣ многоразличными образы внутрь и внѣ насъ повреждаются, Какже можно въ равной мѣрѣ, и въ той же ощутительности навсегда сохранить покой нашего сердца, который отъ оныхъ беретъ свою силу.

И такъ тѣ, кои досадуютъ за то, что несовершенно чувствуютъ утѣшеніе закона, должны прилѣжно внимать сіе примѣчаніе. Это правда, скажутъ они вопреки: мы въ своихъ бѣдахъ не ищемъ постояннаго удовольствія нашего сердца. Оно прерывается. Когдажъ мы ощущаемъ живое и истинное спокойствіе? А буде онаго не находимъ, то какъ можетъ законъ споспѣшествовать нашему утѣшенію? Мы отвѣтствуемъ, что мѣра нашего

спокойствія всегда сообразуется нашему понятію. Удивительно ли, что когда познаніе слабо и недостаточно, то и спокойствіе бываетъ слабо и несовершенно? Многіе имѣютъ весьма малое и неосновательное о законѣ понятіе. Многіе мало разумѣютъ истиннѣ довѣры относящихся, и то непонятнымъ и смятеннымъ образомъ. Многіе при посредственномъ разсмотреніи Божескихъ истиннъ заражаются множествомъ заблужденій и ложныхъ мнѣній, кои силу ихъ вниманія или воспящаютъ, или во все затушаютъ. Однако никто не отважится прекословить, что духъ Божій одушевляетъ наше познаніе, и хотя бы не имѣли совершеннаго знанія о законѣ, однако непремѣнно дополнилъ бы оное разумъ живымъ увѣреніемъ. Не оспоримо, что малое и слабое познаніе можетъ отъ Бога сопряжено быть съ живымъ увѣреніемъ. Только притомъ и познаніе должно быть чистое и правильное. Какъ

можетъ статься, чтобъ Богъ наши объ немъ воображенія, о истиннахъ закона и о добродѣтели оживотворилъ совершеннымъ увѣреніемъ, естьли онѣ сами въ себѣ несправедливы? Не утвердилъ ли бы онъ насъ вящше чрезъ сіе въ нашихъ заблужденіяхъ? Разумъ долженъ понимать истинны знанія о законѣ точно такъ, какъ ученіе человѣческимъ наукамъ и художествамъ. Богъ вливаетъ въ насъ познаніе небезпосредственно. Онъ силою свыше подкрѣпляетъ и оживотворяетъ наше разумѣніе, нами отъ Него сисканное, и поступаетъ съ нами, какъ съ разумными созданіями, блюдущими еще употребленіе своихъ природныхъ дорованій. Онъ при познаніи истинны не исключаетъ также и нашихъ силъ и трудовъ, не смотря на то, что самъ намъ въ томъ спомоществуетъ. Естьли мы легкомысленное разсужденіе нѣколикихъ изреченій писанія почитаемъ за истинное знаніе закона; естьли мы

довольно-

довольное число Божескихъ истиннъ, которыя въ младыхъ лѣтахъ затвердили въ памяти, но въ совершенномъ возрастѣ не пріумножили оныхъ, и разумомъ ихъ не просвѣтили, признаемъ за довольное знаніе закона; естьли мы знаемъ слова и имена закона, а не самой смыслъ, соединеный съ оными. Хотя мы и говоримъ изъ священнаго писанія, что Богъ милосердъ, человѣколюбивъ, премудръ и праведенъ, что вѣра и любовь творятъ насъ участниками его благодати; только не можемъ сказать, что есть въ Богѣ милосердіе и святость, и что есть въ насъ вѣра и любовь; и будемы все сіе темно и неосновательно, соединяя съ ложными мнѣніями, или безъ всякой связи, понимаемъ; то какъ душа наша твердаго знанія достигнетъ. И какъ сіе знаніе Божіею силою возрастетъ въ живую извѣстность, и насъ въ нашей болѣзни успокоитъ? Все сіе твердо увѣряетъ насъ, что вина,

по которой мы отъ закона не почерпаемъ истиннаго утѣшенія, не въ правилахъ, но въ самихъ насъ скрывается. Наше невѣденіе въ Божественныхъ вещахъ, наше непорядочное познаніе, нашъ малой трудъ, который мы прилагаемъ къ закону, въ томъ причинствуютъ, что мы не вкушаемъ силы онаго. Постараемся жъ о снисканіи правильнаго и совершеннаго познанія о Божественныхъ вещахъ. Потщимся привесть оное къ вящшей ясности и къ большему распространенію. Укротимъ мысленныя наши стремленія къ земнымъ вещамъ, всегда воспящающія нашимъ помышленіямъ утверждаться въ нашемъ разумѣ о вещахъ духовныхъ. Употребимъ наконецъ истинны писанія рачительнѣе, то утѣшенія его непремѣнно подадутъ намъ живую надежду, и немощную нашу жизнь учинятъ сноснѣйшею.

Напослѣдокъ причина не столь въ разумѣ, сколько въ нашемъ сердцѣ заключается, что законъ во дни нашихъ болѣзней, или вовсе насъ не успокоиваетъ, или не такъ, какъ прочихъ. Многіе пріобрѣли въ томъ хорошее и основательное вѣденіе; однако оно безполезно, и никогда въ нихъ сильно и увѣрительно не дѣйствовало; ибо ихъ сердце и вожделѣнія всегда ему противоборствовали, и никогда или очень рѣдко съ симъ познаніемъ сходствовали. Здѣсь должны мы взять на помощь то, что выше сего о причинахъ слабой жизни упомянули. Два человѣка, изъ коихъ одинъ навлекъ на себя болѣзни тѣлесныя своимъ житіемъ, закону противнымъ, а другой знатенъ порядочными и добродѣтельными поступками, не могутъ равнаго спокойствія ожидать отъ утѣшительныхъ истинъ писанія. Тотъ, котораго укоряетъ собственная совѣсть, не можетъ никогда достигнуть къ тому веселію духа,

коимъ

коимъ обладаетъ другой. Онъ хотя будетъ и спокоенъ, и обѣтованія закона о вѣчномъ его блаженствѣ будетъ къ себѣ обращать; онъ хотя между прочимъ и ободренъ будетъ утѣшеніемъ, что его страданіе относится къ благополучію его духа, ибо безъ него не могъ бы къ познанію самаго себя достигнуть; однако можетъ ли онъ въ душѣ своей загладить ту мыслей справедливость, что онъ самъ навлекъ на себя свои болѣзни? Не останется ли онъ навсегда побѣжденъ внутреннымъ къ самому себѣ отвращеніемъ? и будетъ ли онъ столько же спокойнымъ, какъ тотъ, который малѣйшей за сіе досады въ себѣ не чувствуетъ, потому что онъ на свои болѣзни взираетъ, какъ на судьбы Божіи, а не казни. Человѣку, который чрезъ многіе годы служилъ грѣху, и долговременнымъ оному порабощеніемъ снискалъ себѣ пагубнѣйшую во злѣ привычку, хотя воспящаетъ немощное его тѣло

зако-

закоснѣвать впредь въ своихъ пороках; но уже тѣмъ самимъ не истреблены его вожделѣнія. Жадность, наполнить себя виномъ и другими крѣпкими напитками, осталась еще въ немъ навсегда, хотя отъ того подагра его и удерживаетъ. Словомъ: человѣкъ, который имѣя правильное о законѣ понятіе, имѣетъ и развратное сердце въ болѣзненныхъ своихъ дняхъ, и ни въ чемъ иномъ, какъ только въ чувственныхъ и непозволенныхъ вещахъ искалъ своего щастія, не смотря на то, что онъ имѣетъ хорошее знаніе, будетъ много времени губить, не вкушая преждевременно благъ будущей жизни. Боязнь смерти есть лютѣйшій тираннъ таковыхъ немощныхъ людей. Есть ли бы можно было отъяти у нихъ страхъ съ такимъ предвозвѣщаніемъ, что они чрезъ десять лѣтъ еще не умрутъ, то они въ болѣзняхъ своихъ были бы весьма терпѣливы. Чѣмъ же имъ побѣдить сей страхъ?

страхъ? Развѣ тѣмъ, чтобъ умень-шить люблепіе живота? Но какимъ образомъ уменьшить его, которое столь намъ естественно? Не тою ли извѣстностію, что они въ будущей жизни будутъ безконечно блаженны? Но сія извѣстность есть то самое, чего они еще не имѣютъ, чего они безъ великаго труда, безъ премѣненія сердца, безъ частаго упражненія въ добродѣтели, никакъ получить будутъ не въ состояніи. Какже имъ возможно въ болѣзненномъ своемъ состояніи требовать скораго и живаго успокоенія? Пока они не раздѣлаются съ своимъ сердцемъ и совѣстію; пока они того, что законъ нарицаетъ покаяніемъ не воспріимутъ со всею ревностію, и въ немъ не пребудутъ; дотолѣ они, при всемъ своемъ въ законѣ искусствѣ своимъ трудомъ пріобрѣтенномъ, не достигнутъ къ истинной тишинѣ духа въ своемъ страданіи. О сколь щастливы тѣ, кои настоящей жизни нещастіямъ проти-

тивуполагаютъ добрую совѣсть! Но сколь малое число таковыхъ смертныхъ! Такъ можетъ ли быть великое число постоянныхъ и великодушныхъ людей между больными? И такъ станемъ ли мы удивляться, когда увидимъ бѣднаго поселянина въ темной хижинѣ, ничего болѣе не знающаго, кромѣ нужнѣйшихъ закона начатковъ. Когда усмотримъ, говорю, его чрезъ многіе годы въ наижесточайшимъ болѣзняхъ тѣлесныхъ при нищенскомъ своемъ содержаніи терпѣливаго, и Богомъ довольствующагося; напротивъ того просвѣщеннаго славнаго мудреца, болѣзни коего несравненно легчайшія въ разсужденіи перваго, при всей его твердости въ законѣ находимъ надъ книгами унылаго и отчаяннаго? Тотъ отъ юности приводимъ былъ къ тихому и непорочному житію; а другой дѣлалъ противное тому.

Кромѣ сего различія между познаніемъ закона и между добрымъ серд-

сердцемъ и совѣстію, находятся еще и другія причины; почему утѣшительныя закона доказательства ничего того не возбуждаютъ въ первомъ, что дѣйствуютъ въ другомъ. Я разумѣю особливыя свойства душй и тѣла человѣческаго, разность болѣзней, коими поражаются смертные, для различія наружныхъ обстоятельствъ. Мы говоримъ здѣсь о таковыхъ особахъ, кои не имѣютъ причины, пораженія своего тѣла, почитать за наказанія своихъ преступленій.

Критонъ и Семнонъ, оба просвѣщенные и ревностные Христіяне, почти въ одно время и одинаковымъ образомъ подпали жестокимъ тѣлеснымъ припадкамъ, отъ коихъ никакими цѣлительными средствами не льзя избавиться. Сколь нисходны они въ прочемъ межъ собою, столь напротивъ того другъ другу противны, въ разсужденіи своего великодушія. Критонъ хвалитъ Господа

да подъ игомъ, которое его обременяетъ. Онъ съ неустрашимымъ духомъ ожидаетъ разрѣшенія съ тѣломъ. Не требуетъ многихъ забавъ. Онъ желаетъ свободитися отъ болѣзней, но не инако, какъ есть-ли сіе будетъ угодно Богу: все премудро и свято учреждающему. Семнонъ, который столько же чистосердечно боится Бога, менѣе оказываетъ постоянства. Онъ жалуется и рыдаетъ, когда приближаются горестные его часы и но́чи, и трепещетъ въ бѣдахъ своихъ. Онъ подлинно знаетъ, что Богъ не болѣе на него налагаетъ, какъ сколько требуетъ святое Его милосердіе. Вѣдаетъ и то, что ожидаетъ его безконечная слава; однако онъ по природѣ чувствительнѣе и боязливѣе Критона. Онъ любитъ жизнь, потому что страшится ударовъ смерти. Онъ взираетъ на смерть, какъ на свою избавительницу; но нѣжное его сердце содрогается предъ ея предвозвѣстниками. Всѣ

его

его сердце содрогнетъ предъ ея предвозвѣстниками: все его сердце леденѣетъ, воображая ужасное мгновеніе умирающаго.

Критонъ присѣдитъ смертному одру своего друга, и еще ему вспомоществуетъ, а у Семнона рѣчь и чувства отнимаются. И такъ возможно ли, чтобъ утѣшенія закона одинаковое производили дѣйствіе? Для того жъ ли Семнонъ не имѣетъ живаго упованія, что не видитъ въ себѣ Критонова постоянства? Для того ли онъ ропщетъ на провидѣніе Божіе, что тотъ еще вопитъ и воздыхаетъ? Онъ готовъ претерпѣть свое страданіе и жизнь скончать. Сія-то есть сила закона. Онъ трепещетъ, когда чувствуетъ сіе пріуготовленіе. Сія-то есть участь природной его склонности, которой законъ не истребляетъ. Два Героя покушаются вытти на брань. Одного любовь къ славѣ творитъ вовсе нечувствительнымъ къ ужасу

смерти. Другой при воззрѣніи на лавровый вѣнецъ вдругъ усматриваетъ кровопролитное бѣдствіе, на которое онъ отваживается. Онъ предусматриваетъ непреодолимое супротивленіе. Однако при всей блѣдности своего лица ополчается тѣмъ съ вящшею храбростію и мужествомъ. Для того можно ли его исключить изъ числа Героевъ, коего желаніе, исполнить свой долгъ и слава побѣды, одушевляютъ?

Прибавте къ различію душевныхъ качествъ разность болѣзней, кои сей или тотъ терпитъ: то конечно спокойствіе еще несходственнѣе будетъ. Находятся нѣкія тѣлесныя тѣсноты, кои болѣе на душу вооружаются, нежели другія. Бѣдной Гипохондрикъ, который, при ощущеніи мучительнаго въ своемъ тѣлѣ движенія, никакъ не можетъ притти въ полную своего духа вольность, который противъ

своего желанія, томимъ будучи печальными представленіями, пагубною мечтою питаемыми, чрезъ всѣ увѣренія разума никогда не достигаетъ покоя которымъ пользуется другой, будучи въ сей или той части тѣла уязвляемый, кромѣ того, что жилы его, коими жизненные наши духи дѣйствуютъ, повреждаются наичувствительнѣйшимъ образомъ. Находятся притомъ въ часахъ недужныхъ столь жестокія болѣзни, кои душѣ нашей возбраняютъ притти къ ясному познанію. Кто въ сихъ часахъ, въ сравненіи съ другими больными людьми является унылымъ и неутѣшнымъ, тотъ еще однако можетъ назваться весьма постояннымъ. Равномѣрно какъ тотъ, который лежитъ въ изнеможеніи, имѣетъ однако у себя жизнь, хотя обыкновенныхъ оныя признаковъ болѣе въ себѣ не ощущаетъ.

Таковые случаи легко можно самому вообразить.

И наружныя также обстоятельства иногда причинствуютъ, что наши утѣшенія здѣсь болѣе, а тамъ менѣе спокойствія по себѣ оставляютъ, естьли только вина во внутренней ихъ силѣ содержится. Кто борется не токмо съ болѣзньми тѣла, но и съ убожествомъ и скудостію; кто, по причинѣ своей болѣзни, видитъ купно и своихъ родственниковъ, истаевающихъ въ нищетѣ и печали; кто отъ друзей пользуется малымъ вспомоществованіемъ, малою попечительностію и малою услужностію; кто тожетъ употреблять не много цѣлительныхъ средствъ, не много полезныхъ лекарствъ, тотъ не долженъ равняться съ таковымъ, у котораго все сіе ничто; кто съ знатными друзьями, съ любезнѣйшею супругою и съ благонравны-

нравными дѣтьми сопряженъ союзомъ естества и нѣжности, тотъ поистиннѣ съ большимъ прискорбіемъ отстаетъ отъ любленія живота; и потому не можетъ столь скоро, или столь твердо упокоиться, какъ тотъ, который мало привязанъ къ свѣту.

Впрочемъ всѣ больные въ томъ между собою сходствуютъ, что они должны умѣривать свою любовь къ жизни, коль желаютъ быть спокойными. Они всѣ явственно видятъ предъ собою смерть, но ужасаются оной дотолѣ, пока желаютъ жить. Ихъ тѣлесныя болѣзни симъ печальнымъ страхомъ часто питаются и умножаются. У многихъ одна бодрость духа произвела бы въ сокахъ тѣла таковую силу, которой бы всѣ лекарства возъимѣть не могли. Страстная любовь къ животу ничѣмъ инымъ не

преодолѣвается, какъ токмо ожиданіемъ гораздо совершеннѣйшаго и постояннѣйшаго блага въ будущей жизни. Разумъ никогда не можетъ вымыслить столь сильнаго средства, какъ то, которое предлагаетъ намъ откровеніе. Для того надобно опредѣлить одно, или никогда не быть спокойнымъ въ своихъ мученіяхъ, или употреблять сіе средство. Нѣтъ инаго способа, чтобъ пріобрѣсть сію надежду, или имѣя оную, паче въ себѣ утвердить, какъ руководство закона.

Я не понимаю, какъ можетъ статься, чтобъ не возможно было познать изящности онаго, когда онъ въ себѣ столь легокъ есть. Покажите мнѣ, какъ здѣсь можно быть спокойнымъ, а въ будущемъ вѣкѣ вѣчно щасливымъ, буде возможно что либо вообразить превосходнѣйшее отъ сего. Что можетъ быть достойнѣе нашей

любви, нашего высокопочитанія и нашего повиновенія, какъ такое ученіе, которое сходствуетъ съ желаніемъ всѣхъ человѣкъ? Естьли бы законъ потушалъ въ насъ любленіе живота, чтобъ сдѣлать насъ совсѣмъ нечувственнымъ; то онъ былъ бы нѣчто строгое. Только жъ законъ оное отъемлетъ унасъ тогда только, когда оно мѣшаетъ нашему удовольствію. Мы должны умереть: это правда. Мы страстно желаемъ жить, и сіе извѣстно. Перваго перемѣнить не льзя. Для того другое, то есть вожделѣніе, простирающееся къ тому, чтобъ жить, уменьшать надобно, когда не хочемъ, всѣ минуты препровождать въ стрaхѣ и смущеніи. Сей-то есть предметъ закона. Сколь же премудро онъ учреждаетъ его. Онъ чрезъ сіе даетъ намъ знать, что настоящая скоротечная жизнь не есть наибольшее благо, и что послѣ сея ждетъ насъ гораздо слав-

нѣйшая жизнь. Притомъ онъ побуждаетъ въ насъ надежду подъ нѣкіими условіями, препровождая оную увѣреніемъ духа, которое столь есть истинно, сколько само́е свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ. Чрезъ сію надежду умаляетъ нашу любовь къ животу, а съ тѣмъ купно умѣриваетъ и наши вожделѣнія, стремящіяся къ такимъ добрамъ, которыя нынѣшнюю жизнь дражайшею творятъ. Онъ, скрадывая отъ насъ любленіе живота, отнимаетъ у насъ тысящу снѣдающихъ печалей, тысящу возмутительныхъ представленій, тысящу тщетныхъ затрудненій и тягостей. Онъ за сей уронъ награждаетъ насъ преждевременнымъ наслажденіемъ безпримѣрно славнѣйшаго благополучія. Онъ умаляетъ боязнь прежде смерти, указывая намъ оную изъ пріятной ея стороны̀, и представляя ея какъ самонужнѣйшую ходатайственницу, а не какъ разори-

зорительницу нашего щастія. Тотъ конечно не знаетъ естества человѣческаго се́рдца, нижѐ силы закона, кто безъ него, какъ истиннаго утѣшителя, въ страданіи тѣла человѣческаго захочетъ отчаеваться.

Это все хорошо: скажутъ многіе отъ бѣдныхъ, естьли бы только и сію надежду, сіи живыя представленія о грядущемъ блаженствѣ, могли мы пра́вильно вселять въ наше сердце. Но сіе упованіе не то ли самое есть, что писаніе называетъ вѣрою, а вѣра не даръ ли Божій есть? Естьли въ семъ состоитъ вся ихъ сопротивность, то мы вдругъ его рѣшимъ. Богъ возбуждаетъ, Богъ одушевляетъ сію надежду въ сердцѣ нашемъ: однако не чудотвореніемъ, не безпосредственнымъ вдохновеніемъ и не противъ воли нашей. Мнѣ кажется, что чѣмъ вящшее прилагаемъ

емъ стараніе о полученіи ея, тѣмъ скорѣе можемъ обладать оною. Чѣмъ менѣе употребляемъ тщанія, о приведеніи оной въ нашу власть; тѣмъ труднѣе отъ Бога оную получить будетъ возможно. Естьли мы справедливое имѣемъ понятіе о благости Божеской, то не льзя сумнѣваться, что Онъ есть готовъ столь скоро даровать намъ сію надежду, какъ онъ можетъ; но не скорѣе, какъ когда мы естественныя силы разума и воли на то обратимъ, чтобъ все то удалить отъ себя, что намъ въ полученіи надежды препятствуетъ, и все то исполнить, чрезъ что можно наслѣдить оную. И такъ, что моженъ насъ поколебать симъ предложеніемъ, что надежда, о коей говоримъ, есть даяніе Божіе? Не съ тѣмъ ли человѣколюбивѣйшимъ и праведнѣйшимъ существомъ идетъ у насъ дѣло, которому въ раздаяніи сего

го да́ра, никакіе умы человѣческіе возпрепятствовать не могутъ, и которое въ томъ поставляетъ свое блаженство, чтобъ созданія свои учинить щастливыми, естьли только они сами не похотятъ изъ рукъ своихъ упустить сего щастія, и которому ни малаго труда не сто́итъ ощастливить насъ симъ даромъ? Однако я все то дѣлаю, взываетъ Ѳеоклъ, что умной человѣкъ по откровенію должен употреблять для пріобрѣтенія сего сокровища. Не проходили дни и мѣсяцы, не протекали го́ды, въ которые бы я не трудился ревностно въ семъ упражненіи, чтобъ въ моемъ злоключеніи утѣшить себя ожиданіемъ вѣчности. Только при всемъ томъ не чувствую, чтобъ оная надежда во мнѣ обитала. Буде въ семъ признаніи нѣтъ никакого обмана, то Ѳеолъ ближе отстоитъ отъ своей надежды, нежели онъ мыслитъ. Она

сперва показывается какъ день. Она растетъ нечувствительно, и приращенія ея постепенно примѣтить нельзя. Когда же будетъ возведена на подобающую высоту; то присутствіе ея столь совершенно уразумѣемъ, сколько въ полдни чувствуемъ солнечный зной; хотя постепеннаго оныя приближенія очевидно примѣтить не могли. Но не можетъ ли Богъ праведными своими судьбами не допустить меня наслаждатися сею надеждою, не взирая на всѣ усильные мои труды? Єто справедливо, только потому единственно, дабы ты тѣмъ выше ея почиталъ, а получа оную, старался бы ея сохранять тѣмъ съ большею тщательностію, чѣмъ долговременнѣе и сильнѣе оной желалъ. Словомъ сказать: буде вина не отъ тебя зависитъ, то ничто Бога на то преклонить не можетъ, чтобъ Онъ лишилъ тебя сея надежды, какъ Своея

благо-

благости, а твоего благополучія. Мыслитъ ли Властитель зло своему подчиненному, естьли свободу, о которой онъ его просилъ, сперва даетъ ему нѣсколько лѣтъ, предвидя то, что онъ, естьли бы не извѣдалъ совершенно рабства, во зло бы употребилъ свою вольность съ потеряніемъ своей жизни? Почемужъ мнѣ можно знать, самъ ли я своими поступками сдѣлалъ себя недостойнымъ сея надежды? Не поздо ли уже думать о полученіи оныя? и возхощетъ ли еще Богъ даровать мнѣ оную? Я отвѣтствую, что ты сіе узнать можешь изъ того же смущенія, тобою чувствуемаго, которое предварительно показывается, какъ денница прежде восхожденія солнца. Ты непремѣнно прежде будешь въ возмущеніи, пока придешь въ спокойствіе. И естьли внутреннее сіе смятеніе сопряжено съ ревностнѣйщимъ и горя-

чѣйшимъ желаніемъ, все то исполнять, что повелѣваетъ законъ: то ужè оно не есть дѣйствіе естественнаго побужденія, быть щастливымъ, которое безъ вѣры и любви можетъ насъ привлечь къ добрымъ по наружности дѣламъ; но есть плодъ закона, и для того залогъ твоего упованія, которое, естьли не скорѣе, то подлинно въ приближеніи смерти сильнѣе будешь чувствовать.

Какже, скажетъ вопреки, въ немощной моей жизни дѣлать мнѣ то, что повелѣваетъ законъ? Къ исполненію сихъ богоугодныхъ должностей не требуется ли тихій, спокойный и ни чѣмъ не отягченный духъ, а тѣло здоровое и бодрое? Какъ мнѣ можно укрѣпить мою надежду своею добродѣтелію, когда ужè болѣе не имѣю случая къ добродѣтели? Какъ можно другимъ приносить

пользу

пользу и оказывать услуги, когда я имъ, а паче себѣ есмь въ тягость? Естьли потерянное твое здоровье не есть слѣдствїемъ твоихъ преступленiй, то возраженiе сiе весьма слабо и значитъ оно только будтобы Богъ не далъ тебѣ потребныхъ къ тому силъ. Слѣдственно и онъ невзыщетъ отъ тебя болѣе трудовъ, какъ токмо сразмѣрныхъ симъ силамъ. Употреби только оныя ревностно, то можно будетъ тебѣ столь же добродѣтельнымъ быть, какъ и здоровому. Нѣтъ никого столь сильно больнаго, который бы не былъ свободенъ отъ своего мученiя въ какiе либо часы или дни. Обрати оные часы къ своей или другихъ пользѣ; то еще можно исполнить сiи святыя званiя. Не всегда тѣ добродѣтели суть наибольшiя, которыя нашимъ глазамъ таковыми кажутся, и открываютъ намъ тотъ трудъ, коего они стоили. Можно великiя должности

отправлять со всякимъ раченіемъ; можно изъявлять услуги друзьямъ, ближнему и обществу, а въ самомъ дѣлѣ не иное что творить, какъ раболѣпствовать своему любочестію, своему сребролюбію и прочимъ своимъ прихотямъ. Напротивъ того въ незнатной сторонѣ между не многими людьми можно предпринимать гораздо полезнѣйшія дѣла, и упражняться въ добродѣтели, хотя свѣтъ таковыхъ людей, по мнимому своему разсужденію, почитаетъ за праздныхъ и непотребныхъ. Больной человѣкъ можетъ смотрѣть на себя или на другихъ: то всегда будетъ случай къ добродѣтели. Естьли онъ желаетъ исправить свой разумъ и свою волю: то употребитъ въ свою пользу безболѣзненные часы для размышленія и чтенія хорошихъ книгъ. Да и кто, кромѣ его, болѣе имѣетъ случая познать тлѣнность, суету

и

и ничтожество всѣхъ мирскихъ благъ, для которыхъ мы столь много поту тщетно проливаемъ, столь много безсонныхъ ночей провождаемъ, которыя столь часто убѣждаютъ насъ безславить себя порочными дѣлами, и которыя, утишивъ одну нашу страсть, возжигаютъ въ насъ десять новыхъ прихотей? И кто лучше можетъ споспѣшествовать истинному своему благополучію, какъ тотъ, который прямо познаваетъ ложную блистательность щастія? Развѣ не можно возвыситъ духа превыше всего земнаго и вещественнаго, хотя бы кто и несовершенно былъ здоровъ? Не можно ли представить себѣ высочайшаго образа величества Создателева и любви Спасителя, побуждающаго насъ, сообразовать ся ему въ сердцѣ своемъ? Не должно ли и немощному человѣку въ изможденномъ своемъ сердцѣ вооружаться противъ различныхъ не-

непріятелей, какъ-то противъ зависти, гордости, самолюбія, вражды, жестокосердія, также противъ строптивнаго и непримирительнаго права? Развѣ не можетъ онъ имѣть случая къ добродѣтелямъ терпѣливости и великодушію? Развѣ не льзя ему быть цѣломудреннымъ, воздержнымъ и кроткимъ? Не можетъ ли онъ тѣмъ паче возвеличить свое упованіе на помощь Всемогущаго Зиждителя? Кратко сказать: не можетъ ли онъ въ душѣ своей утвердить любви къ Богу, которая называется ма́теріею всѣхъ истинныхъ добродѣтей? И буде все сіе для него возможно, то захочетъ ли онъ предъ лицемъ прочихъ человѣковъ вотще жить? Не станетъ ли онъ лучше наставлять и исправлять другихъ своимъ примѣромъ? Многіе его сосѣди пришли ли бы въ такое важное размышленіе, естьли бы не видѣли его терпѣнія,

нія, и, взирая на его нещастіе, не помышляли о наступленіи и своего собственнаго? Естьли я, въ болѣзни будучи, не могу другимъ подать благаго совѣта; то какъ они наружное и внутреннее свое благосостояніе утвердить имѣютъ? Не можно ли мнѣ приложить особливаго старанія о воспитаніи младаго моего родственника? Не оказываю ль я важной услуги обществу, когда посредствомъ истинны и добродѣтели дѣлаю изъ него полезнаго сочлена общества? Не всегда ли тотъ исполняетъ публичныя должности, кто отправляетъ полезныя дѣла? Сколь многія находятся должности въ нашемъ домѣ, въ коихъ мы можемъ упражняться какъ отцы, какъ учители, какъ родственники и какъ друзья, хотя бы наше здравіе не было въ наилучшемъ состояніи! Кто жъ можетъ болѣе ревности къ симъ званіямъ чувство-

вать,

вать, какъ не тотъ, котораго предвозвѣстники смерти безпрестанно увѣщеваютъ, не откладывать назавтра благотворенія? Естьли я имѣю достатокъ, то не могу ли учредить пристойное онаго разположеніе по человѣколюбію, чтобъ тѣмъ облегчить другихъ скудость и бѣдное пропитаніе? Да хотя бы онаго и не имѣлъ, однако не могу ли я другимъ служить своимъ ихъ почитаніемъ, или ходатайственными объ нихъ прозьбами, и между богатыми моими родственниками сдѣлаться незнатнымъ благодѣтелемъ какого либо нещастнаго? Какже можно жаловаться, что при потеряніи здоровья, не можно болѣе творить добродѣтелей? Постараемся только о доброй волѣ; а случай къ благотворенію всегда будемъ имѣть, даже до послѣдняго издыханія. Мы сами тихою и спокойною кончиною своею можемъ

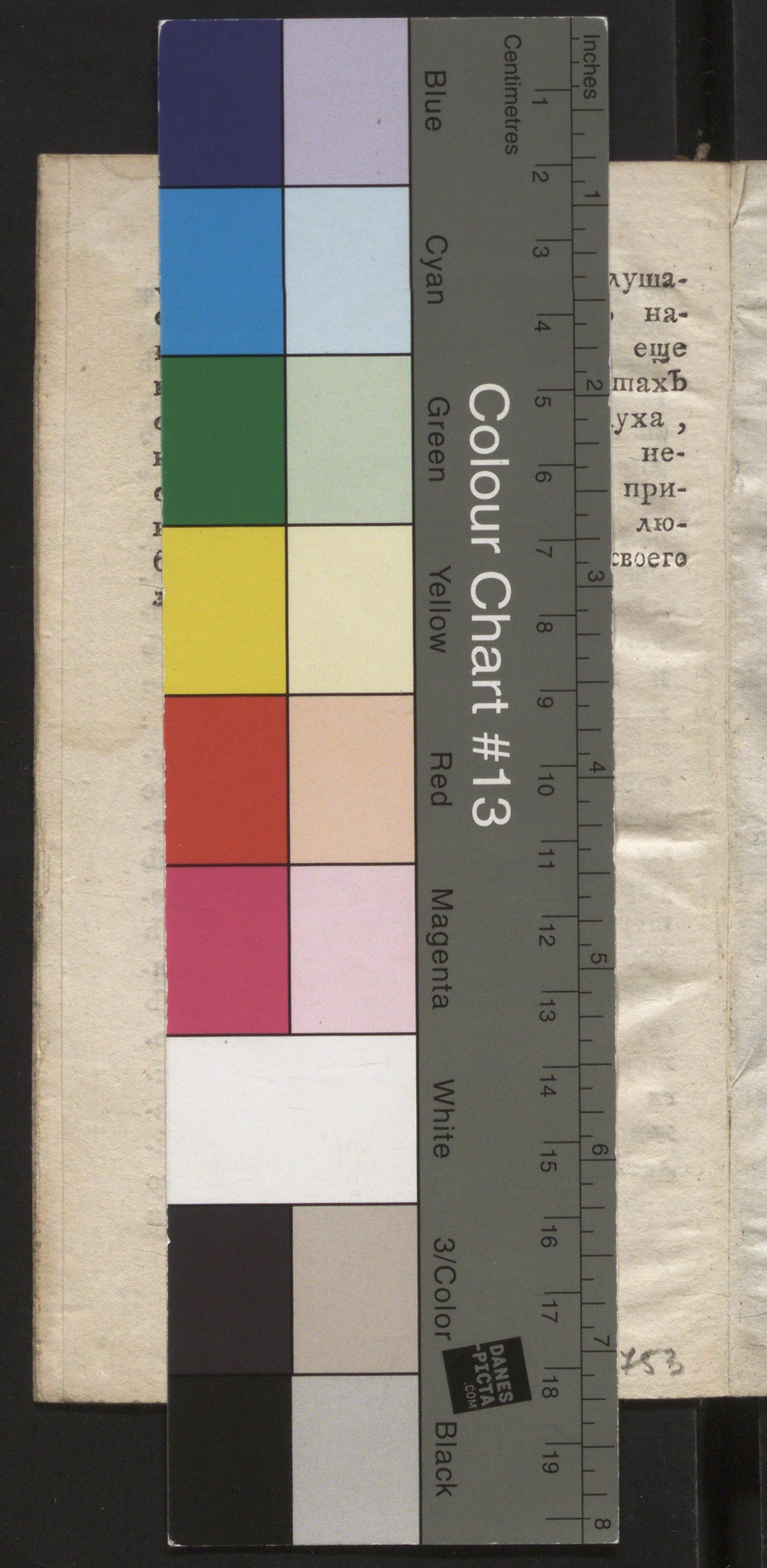
про-

тронуть предстоящихъ людей, и ихъ сердца на вѣки подвигнемъ, съ удивленіемъ помышлять о сихъ важныхъ дѣлахъ. И такъ, кто во время безполезненныхъ своихъ дней распустно и не порядочно поступалъ, имѣетъ однако случай все упущенное наградить инымъ образомъ; и кто жилъ добродѣтельно прежде своихъ болѣзней, тому ничто не мѣшаетъ и впредь во время своего не моществованія быть честнымъ: потому, естьли желательно укрѣпить свою надежду, веселіе и спокойствіе, то ничто къ сему столько не способствуетъ, какъ упражненіе въ добродѣтели, которая, естьли исполняется съ добрымъ и чистосердечнымъ намѣреніемъ, оставляетъ въ нашихъ сердцахъ такую сладость, которая преимущественно соединяется съ надеждою грядущаго блаженства. Пусть никто не ожидаетъ сего спокойствія, кто во

дни

дни своихъ болѣзней не слушаетъ гласа закона. О сколь наконецъ щастливы тѣ, кои еще въ крѣпкихъ и здоровыхъ лѣтахъ стараются о скокойствіи духа, которое для нихъ будетъ необходимо нужно тогда, когда принуждены будутъ лишиться любезнѣйшаго въ свѣтѣ блага своего здравія.

КОНЕЦЪ.



лушa-
на-
еще
тахЪ
уха ,
не-
при-
лю-
своего

753